
А.В.Пакин

Говорящие от имени богов. Жрецы-чиланы и предсказания в политической практике юкатанских майя эпохи Конкисты

Статья посвящена *чиланам* — жрецам-предсказателям в обществе юкатанских майя эпохи Конкисты. Автор рассматривает их место в жреческой иерархии, а также роль пророчеств в политике и дипломатии майя.

Ключевые слова: Юкатан, майя, Конкиста, жрецы, *чиланы*, пророчества.

Накануне испанской Конкисты жречество играло важнейшую роль в общественной жизни майя. Основываясь на немногочисленных свидетельствах авторитета жрецов в обществе, многие исследователи, среди которых британский этнограф Эрик Томпсон, антрополог Альфред Тоззер и археолог Сильванус Морли из США, полагали, что именно жрецы были некогда истинными правителями городов майя классического периода, давно оставленных к моменту прихода испанских завоевателей¹.

Правители Северного Юкатана *халач-виники*, занятые постоянными войнами с соседями, считались наследниками варваров-завоевателей науа, пришедших из центральной Мексики. Городами Южных Низменностей правили священные цари *ахавы*, ведшие еще более масштабные и кровопролитные войны, а жречества в том виде, в котором оно существовало на Юкатане, по всей видимости, там не было². На Юкатане же жречество майя играло в политике очень важную роль.

У юкатанских майя существовали различные категории религиозных деятелей: жрецы *ах-к'ины* и *чиланы*, постоянно занимавшиеся ритуальной деятельностью *накомы* и *ча'аки*, которых отбирали на время отправления ритуалов. Были также специалисты более низкого уровня — знахари и колдуны. Основную роль в общественной жизни и управленческой структуре играли *ах-к'ины*. Они регламентировали всю публичную религиозную деятельность, совершали жертвоприношения, объявляли начало полевых работ, совершали ритуалы инициаций, свадеб и т.п.³. Они также активно

Александр Владимирович Пакин — младший научный сотрудник Института Африки РАН (alexandr.pakin@gmail.com).

участвовали в политике: нередко выступали в качестве доверенных представителей (*ах-к'ули*) или советников правителей юкатанских политий (*куч-кабалай*), а иногда и сами были местными правителями поселений⁴.

По мнению хрониста-францисканца Бернардо де Лисаны, слово *ах-к'ин* происходит от глагола *k'inuuh*, т.е. *предсказывать судьбу*, потому что во время жертвоприношений они будто бы этим и занимались⁶. А.Тоззер предлагал иную этимологию: *человек солнца*⁵. Возможно, это название связано со специализацией жрецов в толковании календаря: *k'in* переводится с юкатекского языка как *солнце, день, праздник*.

В обязанности *ах-к'инов* входило объявлять пророчества⁷. По словам другого францисканского монаха и хрониста, второго епископа Юкатана (1572—1579) Диего де Ланды, жрецы оглашали предсказания на год вперед. Но особенно важными в религиозной системе майя были периоды 20-летий — *к'атунов*, которые образовывали 260-летний цикл тринадцати *к'атунов*. Каждому 20-летию соответствовал определенный бог-покровитель, который посылал пророчества и статую которого ставили в храмах рядом со статуей покровителя следующего *к'атуна*.

В испанских источниках *чиланы* упоминаются реже, чем *ах-к'ины*. Их место в жреческой иерархии также менее однозначно. Неизвестно, отправляли ли они публичные религиозные культы. Вместе с тем их роль в повседневной общественно-политической жизни была куда важнее, чем можно предположить.

Обязанностью *чиланов* было говорить от имени *оракула*. Так род их деятельности определяет Д. де Ланда, рассказывая о *чилане* по имени Ах-Камбаль из поселения Мани, будто бы предсказавшем Конкисту⁸. Но что же представлял из себя оракул у майя?

В источниках упоминаются несколько оракулов-божеств, представлявших собой каменные статуи. Самый известный оракул ассоциировался с богиней Иш-Чель, покровительницей женщин и деторождения, его статуя была расположена на о-ве Косумель. Процесс получения от него пророчеств описывается по-разному. Многие испанцы уверяли, что просители лично беседовали со статуей. В 1574 г. испанский хронист Хуан Лопес де Веласко, побывавший на Юкатане, писал, что оракул с о-ва Кола — это статуя, в которую через секретную дверь влезал жрец, дававший ответы от имени «демона»⁹. Францисканец Диего Лопес де Когольудо, описывая храм оракула на о-ве Косумель, утверждал примерно то же самое: через тайную дверь жрец влезал внутрь полой терракотовой статуи божества, находящейся внутри храма, и отвечал от его имени¹⁰.

Страница из книги Чилам-Балам из Чумайеля с именами Чилана Балам и других пророков Конкисты

Но археологи так и не нашли на Косумеле ни одной полой статуи с тайными дверями. В поздний постклассический период на острове возводились культовые сооружения двух типов: храмы на вершинах пирамид и святилища в поселениях и на дорогах. Это были небольшие каменные помещения, в которые ставили глиняные статуи, но из-за их размеров войти туда было невозможно¹¹.

Учитывая, что статуи были вместилищами божеств, можно предположить, что жрецы выполняли роль посредников для общения людей с *чиланом*, ведь сила божества, частично переходившая и на *чилана*, могла повредить непосвященным. Майя считали, что изготавливать статуи божеств опасно¹², и что статуя может парализовать или даже убить того, кто просто на нее взглянет. В священной книге Чилам-Балам из Мани в эпизоде, повествующем о получении пророчества от *чилана* Балам, сказано, что внемлющие ему другие пророки майя не поднимали лиц. Возможно, именно потому, что *чилан* в тот момент был опасен силой вселившегося в него божества.

По словам отечественных исследователей цивилизации майя Юрия Валентиновича Кнорозова и Галины Гавриловны Ершовой, в транс майя впадали при помощи психоделических веществ, вводимых в организм с помощью клизмы. В источниках классического периода (250—1100 г.) часто встречаются изображения этой процедуры¹³.

Согласно словарю из Мотуля, созданному в конце XVI в. францисканскими монахами, словом *chiilan* обозначался посредник, выступавший от имени другого лица, или переводчик¹⁴. У майя при переговорах важных лиц было неприято общаться напрямую с самим собеседником. Каждого участника переговоров сопровождали переводчик или представитель. Они усаживались друг напротив друга и вели диалог за своих поручителей, несмотря на личное присутствие последних¹⁵. Не исключено, что подобный способ общения использовался и при общении с «демоном»: *чилан* мог представлять «демона», а жрец — вопрошавших. Посредник был тем более необходим, если *чилан* находился в состоянии транса.

Точных данных о том, как проходило общение майя с «демоном» *чилана*, нет, хотя иногда в руки испанцев попадали люди, якобы говорившие с оракулом. Такой случай, к примеру, произошел в ходе завоевания Тайясаля в 1697 г. После гибели монахов, посланных испанскими властями к правителю Тайясаля Кан-Эку, губернатор Юкатана Мартин де Урсуа-и-Арисменди допросил своего племянника — крещеного индейца Мартина Чана. Чан объяснил убийство священников «наущениями демона», говорившего через статую. В протоколе допроса сказано: «допрашиваемый сам говорил с демоном», демон же выражал недовольство действиями колонизаторов¹⁶. При этом неясно, говорил ли Чан со статуей лично или через посредника. Возможно, волю божества ему передал жрец¹⁷.

По словам францисканского монаха падре Фуэнсалиды, побывавшего в Тайясале еще в 1618 г., свойствами оракула там обладало божество Хобо (возможно, аналог юкатекского божества Хобониль)¹⁸. Тайясаль был частью юкатекского культурного ареала, поэтому при исследованиях общества майя Юкатана мы вполне можем положиться на сведения из этого региона.

Не исключено, что отношение прорицателя-*чилана* к *ах-к'ину* в жреческой иерархии неверно истолковано в колониальных источниках. В книгах Чилам-Балам *чилан* предстает высшим авторитетом, непосредственно об-

щающимся с божествами. Считалось, по крайней мере в колониальный период, что *чилан* способен предсказывать будущие беды и объяснять их причины. Возможно также, что *чиланов* не противопоставляли *ах-к'инам*. В одном из эпизодов книги Чилам-Балам из Тисимины жрец даже назван «великим *ах-к'ином чилам*»¹⁹. Правда, речь в этом фрагменте идет уже о периоде Конкисты, да и писали его люди, вышедшие из миссионерских католических школ. В колониальный период под влиянием христианства представления о положении и роли *чилана* были искажены. Наконец, некоторые моменты в описании пророчеств основаны на явном синкретизме. К примеру, на *чилана* нисходит слово «истинного бога Хунаб Ку» (так миссионеры называли христианского бога). При этом это происходит не в храме, а в обычном доме. Это может свидетельствовать о влиянии традиции получения откровений христианскими святыми²⁰.

Обратимся к данным о том, как происходило общение с божеством. По рассказам испанского мореплавателя и исследователя XVI в. Диего Гарсиа де Паласио, у индейцев народа пипиль с запада Сальвадора, мифология которых имела много общего с мифологией проживавших по соседству майя, процесс общения с «демоном» был делом верховного жреца. Он приносил в жертву кровь из своих ушей, языка и полового члена, которой смазывали руки и ноги статуй, после чего вступал в беседу со статуей²¹. Таким образом, если христианское откровение свыше может снизойти на любого человека, то в Месоамерике общение с божеством — дело человека посвященного и подготовленного. Описание получения пророчеств *чиланом* в книге Чилам-Балам из Мани свидетельствует о том, что сказанное *чиланом* в трансе слушавшие его жрецы затем должны были расшифровать. И только после истолкования послания опытными жрецами его сообщали людям.

Чилан встречается в источниках реже, чем *ах-к'ин*. Вообще *чиланы* получили известность в историографии благодаря *чилану* Балам, упомянутому в сборнике отчетов «Сообщения с Юкатана (1579—1581)». В колониальный период именно ему приписывали предсказания о прибытии испан-

Каменная статуя божества с о. Косумель. К таким статуям обращались чиланы с вопросами своих просителей

цев и распространении христианства, а также о бедах, сопутствующих кровопролитной Конкисте²². Пророчество оформлено в соответствии с традиционными представлениями о развитии событий по циклам из тринадцати 20-летий — *к'атунов*. Тоззер и другие исследователи трудов Д. де Ланды отождествляли его с *чиланом* по имени Камбаль, о котором писал Ланда, и были убеждены, что это реальный исторический персонаж²³. Вместе с тем рассказы о предсказателях Конкисты — скорее всего, не более, чем попытки майя колониальных времен осознать произошедшие перемены. Так что оба пророка, видимо, являются вымышленными лицами.

Кроме рассказов испанских хронистов Антонио де Эрреры и Хуана де Торкемады о *чилане* Камбале, данные о языческих жрецах, предсказавших Конкисту, можно найти в работах Б.Лисаны. Информация об этих *чиланах* наводит на размышления о мотивах, побудивших создать легенду о пророке грядущей Конкисты. *Чилан* Печ принадлежал линиджу, поддерживавшему во время Конкисты испанцев. В свою очередь жители Мани, где жил пророк Камбаль, в целом активно поддерживали конкистадоров. Правившие поселением представители линиджа Шив были их самыми верными союзниками. Появление сведений об этих «пророках», очевидно, не обошлось без колониальных апологетов этих линиджей из числа индейцев, получивших образование в миссионерских школах. Легенды об этих пророчествах впервые упоминаются уже после аутодафе 1562 г.²⁴, показавшего коллаборационистам из индейской знати, что их привилегированное положение в колониальном обществе не спасет их от преследований за идолопоклонство. Они продолжали тайно отправлять доиспанские культы, хотя для этого им и приходилось прятаться в лесах²⁵.

Первым, кто упоминает о пророчествах о Конкисте, стал именно Д. де Ланда. Следующий источник — «Сообщение из Мерида» 1579 г., в котором сотрудничество династии Шив с испанцами объясняется пророчествами *чилана* Балам. Индейская знать времен колонии использовала пророчества даже для объяснения традиции украшать статуи идолов: еще до прихода испанцев правитель Мочан Шив, руководствуясь предсказанием пророка Балам, приказал ткать ткани из хлопка и подносить их идолам. Тканями испанцы станут взимать с индейцев подати, о чем Мочан Шив якобы знал еще до начала Конкисты — из пророчеств²⁶.

Приведенные данные выявляют еще одно важное обстоятельство. По всей видимости, в постклассический период правители юкатанских майя и майя-ица центрального Петена нередко объясняли политические решения волей божеств, переданной через *чиланов*²⁷. Так, в 1695 г. упоминавшийся уже Мартин Чан в качестве посла правителя Тайясаля Кан-Эка, передавая губернатору Юкатана прошение о заключении мира и договора о дружбе с испанцами, объяснял это тем, что наступил срок, указанный в пророчествах: «...И чтобы сказали сеньору губернатору, что он посылает свою корону, чтобы положить ее к его ногам, и просит, чтобы они пили одну воду и жили под одной кровлей, поскольку наступил срок, указанный в древних пророчествах. И чтобы ему послали священников, которые бы их крестили и научили бы их закону истинного бога. И его спросили, по какой причине его король посылает посольство, был ли это страх, что силой оружия заберут их земли, либо это было добровольно, по зову сердца. И он сказал, что никакой другой причины, кроме пророчеств, нет. И его спросили, знают ли

Постаклассическое святилище в Шкарете (Юкатан). Такие святилища были главным типом храмовых сооружений. Их размеры не позволяли заходить жрецам и верующим внутрь. Это были дома божеств, статуи которых размещали внутри

они об истинном боге и католической вере. И он ответил, что им известно о ней с давних времен, и что по письменам их пророков они знали, что придет время принять католическую религию. И что только их король и жрецы понимают эти пророчества»²⁸.

И все же этот документ вызывает определенное недоверие. Судя по словам посла, речь шла о договоре о мире и торговле, а испанцы интерпретировали его как желание перейти в католичество и полное подчинение. Примерно за месяц до прибытия посольства именно этого требовал губернатор Юкатана в письме к Кан-Эку, которое дословно цитирует официальный шаблон, использовавшийся для составления запросов от индейцев на добровольный переход в испанское подданство и католическую веру. Этот шаблон, разработанный испанскими юристами в 1508 г., каждый испанский завоеватель должен был предъявлять индейцам²⁹.

Есть сведения о другом случае, когда ссылка на пророчества была использована индейцами как дипломатический аргумент³⁰. Лопес де Коголь-юдо так описывает эпизод 1622 г., когда монахи Фуэнсалида и Орбита потребовали от индейцев перейти в христианство: «С большим вниманием выслушали индейцы проповедь падре Фуэнсалиды, а затем ответили ему, что не пришло еще время становиться христианами, и что у них есть пророчества о том, что должно свершиться, и чтобы те возвращались туда, откуда пришли»³¹.

В конце XVII в. использовать тему пророчеств решили и сами испанцы. Так, в Тайясале монах Авенданьо-и-Лойола в ходе переговоров ссылался

Пирамида в Шкарете. Храмовые постройки эпохи постклассики были скромных размеров, святилища не были предназначены для посещения жрецами. Последние воскуряли благоволия богам через дверное отверстие

на пророчества древних, пытаясь убедить индейцев, что пришло их время стать христианами. Жрецы встретили миссионеров дружелюбно, а вот местная знать отнеслась к рассказу о пророчествах куда более негативно. Правитель Ковох, убежденный противник испанцев, подверг сомнению историю францисканцев о пророчествах³². В итоге попытка испанцев сослаться на пророков Конкисты для достижения дипломатических побед потерпела неудачу.

Учитывая, что пророчества зачастую применялись правителями майя как инструменты воздействия на настроения народа, следует признать, что Авенданьо-и-Лойола поступил самонадеянно и неосторожно, нарушив монополию местного жречества на использование этого механизма манипуляции. Видимо, это было не последней причиной, приведшей к гибели двух следующих миссий монахов — из Гватемалы и Кампече, — прибывших в Тайясаль сразу после Авенданьо-и-Лойолы и встреченных крайне враждебно. Охрана и носильщики были перебиты, сами монахи — схвачены и принесены в жертву³³.

Вероятно, в процессе получения пророчеств жрецы майя взаимодействовали с *чиланами* и правителем, который сам должен был хотя бы немного разбираться в истолковании божественных посланий. Из-за узкой специализации, а также страха перед силой божеств, с которыми они напрямую общались, *чиланы* были изолированы от участия в публичной деятельности. Ни в трудах Ланды, ни в обрядовых учебных текстах «Песни из Ц'итбалъче», где описана подготовка к нескольким ритуалам, нет свидетельства их участия в отправлении публичных культов. Обращение *чилана* к божествам требовалось лишь в чрезвычайных обстоятельствах, и этот факт заставляет усомниться в том, что пророчества на грядущие 20-летия до прихода испанцев приписывались именно *чиланам*, как утверждается в

колониальных текстах книг Чилам-Балам. Вероятно, эта точка зрения появилась после начала Конкисты. Конкиста стала для майя событием неожиданным и необъяснимым, которое мог предсказать только *чилан*: «Ваши боги уже не имеют силы. К вам спустился истинный бог. Он будет говорить только о грехе. Их солдаты бесчеловечны, их псы свирепы. Какой жрец, какой пророк знал, что случится в селениях Майяпана и Чичен-Ицы?», — говорится в предсказаниях пророка Балам³⁴.

Религиозная практика майя осуществлялась в рамках повторяющихся циклов, однако многочисленные экстренные обстоятельства также требовали взывать к помощи божеств, особенно в случае войны. И жрецы майя присутствовали на поле боя! В «Сообщении из Мотуля» сказано, что главный жрец храма находился в центре боевого построения, в одном отряде с правителем и самыми сильными воинами³⁵.

Общество ацтеков было более военизированным, и там младшие жрецы принимали участие в бою в качестве воинов³⁶. У майя, однако, функция жрецов в военных походах была иной. Лопес де Когольюдо, основываясь на отчетах Фуэнсалиды и Орбиты об их путешествии в Тайясаль, утверждал, что майя-ица Петена брали с собой на войну статуи богов войны Пакока и Хощчунчана и перед сражениями совершали им воскурения³⁷, для чего и требовалось присутствие жреца.

Участвовал ли в боевых действиях *чилан*? Скорее всего, нет. Судя по сведениям о народе пипилей, пользовавшиеся большим авторитетом жрецы-предсказатели не были обязаны принимать участие в событиях, исход которых предсказывали.

Место жреца, общавшегося с богами, во власти было чрезвычайно важным. В случае, если жрецы предсказывали войну, звали касика и военных предводителей и сообщали им, откуда идут враги и куда им следует выступить с войском. Как видим, правитель (*у науа* — представитель военной знати) подчинялся жрецу даже в военном деле, т.е. в сфере своей непосредственной компетенции. И это противоречит распространенному мнению о главенствующей роли военной знати в более иерархичном и воинственном, чем у майя, обществе пипилей в Сальвадоре и Никарагуа³⁸.

Образ правителя, беспрекословно повинующегося жрецу или предсказаниям *чилана*, свидетельствует, скорее, о значительной роли жречества в идеологии и образе общественного управления, навязанных общине, нежели о реальной роли жрецов. Правитель майя на Юкатане в постклассический период был далеко не простым смертным — это был частично сакрализованный посредник между жрецами и народом и даже между народом и высшими силами. Авторитет жреца не мог умалить его роли в обществе. Правитель был единственным, кто допускался к таким жреческим знаниям, как толкование пророчеств³⁹.

Непосредственно в управлении *чиланы* не участвовали. В отличие от *ах-к'инов* они не упоминаются ни как лидеры небольших поселений, ни как советники правителя. Более того, *чиланы* могли занять позицию, противоположную официальной позиции власти. Это видно на примере восстания 1543 г. в провинции Купулей, основными зачинщиками которого выступили именно *чиланы*, а не *касика* или жрецы-*ах-к'ины*⁴⁰. Получается, что *чиланы* юкатанских майя — не только пророки, предсказывающие будущее.

Их роль в поддержании авторитета властей была чрезвычайно важной, а влияние на настроения народа — огромным.

В заключение отметим, что в восточной части полуострова Юкатан традиция переговоров с высшими силами пережила Конкисту. В тех местах испанцы в силу малочисленности не могли в полной мере контролировать ситуацию. В середине XVII в. из-за угрозы пиратских набегов испанцы перенесли энкомьенды с индейцами вглубь полуострова. Местные майя, даже принадлежащие энкомьендам, фактически были предоставлены сами себе. При попустительстве хозяев индейцы тайно отправляли местные культы. На протяжении всего колониального периода испанцы обнаруживали факты идолопоклонства майя⁴¹. Традиции божественных предсказаний неожиданно с новой силой проявились в середине XIX в., когда Юкатан охватило индейское восстание против креолов и метисов, известное как Война каст (1847—1901). Его центром и последним оплотом стал город Чан-Санта-Крус (современное название — Фелипе-Каррильо-Пуэрто), где майя поклонялись *говорящему кресту*, веря, что его сила делала их неуязвимыми для пуль. Это поверье сохранялось среди майя еще в 1950-х годах. Восставшие называли себя *cruzoob*, т.е. люди креста. По утверждению ряда ученых, культ *говорящих крестов* возник в поселении Шокен в восточной части Юкатана и был основан на смешении католицизма с доиспанской языческой религией майя⁴². В 1901 г. Чан-Санта-Крус был взят войсками диктатора Порфирио Диаса (1884—1910), но поражение восстания не означало прекращения поклонения крестам. Центр культа переместился в Шкакаль, где *людей креста* еще в конце 1930-х годов изучал мексиканский этнолог-индихенист Альфонсо Вилья-Рохас⁴³. Штат Кинтана-Роо и по сей день населяют майя, потомки *людей креста*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: J.E.Thompson. The Rise and Fall of Maya Civilization. Norman, 1954; H.J.Spiden. The Ancients Civilizations of Mexico and Central America. N.Y., 1917; S.G.Morley. The Ancient Maya. Stanford, 1947.

² Д.Д.Беляев, А.А.Токвинин. Сакрализация власти в истории цивилизаций. М., 2005, с. 146–161; Д.Д.Беляев, А.В.Пакин. Правитель и подданные древних майя. — Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения. М., 1998.

³ Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán. México, 1983, т. I, p. 38—39, 72, 267—268; т. II, p. 86, 88, 146, 217, 267, 323. Д. де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.—Л., 1955, с. 114, 187.

⁴ F.Cervantes de Salazar. Crónica de la Nueva España. Libro 2. Capítulos XXV—XXIX. — Landa's Relación de las cosas de Yucatán. Cambridge, 1941, vol. XVIII. Appendix D, p. 236; B. de Lizana. Historia de Yucatán. Madrid, 1988, p. 151; Д. де Ланда. Указ. соч., с. 212; R.S.Chamberlain. Conquista y colonización de Yucatán. México, 1974, p. 215.

⁵ B. de Lizana. Historia de Yucatán: Devocionario de Ntra. Sra. de Izamal y Conquista Espiritual. México, Impr. del Museo Nacional, 1893, p. 5.

⁶ Landa's Relación de las cosas de Yucatán, p. 27.

⁷ D.López Cogliudo. Historia de Yucatán. Campeche, 1954—1955, t. I, p. 100; B. de Lizana. Op. cit., p. 56; Д. де Ланда. Указ. соч., с. 186.

⁸ Д. де Ланда. Указ. соч., с. 125, 153.

⁹ J.López de Velasco. Geografía y descripción universal de las Indias. Madrid, 1971, p. 128.

¹⁰ D.López Cogliudo. Op. cit., t. I, p. 360.

- ¹¹ См. A. F r e i d e l, J. S a b l o f f. Cozumel: Late Maya Settlements Patterns. New York, 1984.
- ¹² Д. де Ланда. Указ. соч., с. 191.
- ¹³ См. Ю. В. К н о р о з о в, Г. Г. Е р ш о в а. Прорицание жреца. — Латинская Америка, 1983, № 3.
- ¹⁴ Calerino de Motul. México, 1995, t. I, p. 242.
- ¹⁵ D. L ó p e z C o g o l l u d o. Op. cit., t. I, p. 121.
- ¹⁶ На крещенных индейцев майя, которые целыми деревнями сбегали от испанцев в леса и добирались до Тайясаля, язычники-ица смотрели с опаской и недоверием. Точно так же, по словам Чана, обходились и с ним самим, хотя он и был племянником правителя.
- ¹⁷ Documentos para la historia indígena de Yucatán. T. I. Idolatría y sublevación. México, 1996, p. 170—171.
- ¹⁸ D. L ó p e z C o g o l l u d o. Op. cit., t. III, p. 70.
- ¹⁹ Ancient Future of the Itza. The Book of Chilam Balam of Tizimin. Austin, 1982, p. 93, 103.
- ²⁰ H. M i g a m. Transcripciones de los Chilam Balames. Hamburg, 1988, t. 3, p. 62.
- ²¹ D. G a r c í a d e P a l a c i o. Carta-relación. Relación y forma. México, 1983, p. 79, 83.
- ²² Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán. Op. cit., t. I, p. 69.
- ²³ Landa's Relación de las cosas de Yucatán. Op. cit., p. 42.
- ²⁴ Аутодафе 1562 г. — масштабный процесс на Юкатане, инициированный Диего де Ландой против тайного идолопоклонства среди местного населения. В качестве обвиняемых и свидетелей были привлечены более 4 тыс. человек, была уничтожена значительная часть литературы майя. Действия Ланды вызвали возмущение тогдашнего епископа Юкатана Франциско де Торалья. Ланду обвинили в превышении полномочий и в 1566 г. отправили в Испанию для объяснений перед судом. Ланде удалось оправдаться, и в 1572 г. он вернулся на Юкатан епископом.
- ²⁵ См. Don Diego Quijada, alcalde mayor de Yucatán. México, 1938.
- ²⁶ Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán. Op. cit., t. I, p. 69.
- ²⁷ Documentos para la historia indígena de Yucatán. Op. cit., p. 170—171.
- ²⁸ Ibid., p. 156—157.
- ²⁹ В документе сообщалось о том, что Папа Римский предоставил испанскому королю полномочия по обращению индейцев в христианство, и о тех мерах, которые следовало принять в случае сопротивления. См.: Хрестоматия по истории Средних веков. М., 1950, т. 3, с. 25—28.
- ³⁰ Documentos para la historia indígena de Yucatán. Op. cit., p. 151—153.
- ³¹ D. L ó p e z C o g o l l u d o. Op. cit., t. 3, p. 48.
- ³² A. A v e n d a ñ o y L o y o l a. Op. cit., p. 39, 42, 43, 48.
- ³³ См. A. C a n o. Manche and Petén: The Hazards of Itza Deceit and Barbarity. London, 1984.
- ³⁴ См. Ю. В. К н о р о з о в. Письменность индейцев майя. М., 1963.
- ³⁵ Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán. Op. cit., t. I, p. 271.
- ³⁶ В. Е. Б а г л а й. Ацтеки. История, экономика, социально-политический строй. М., 1998, с. 287, 290.
- ³⁷ D. L ó p e z C o g o l l u d o. Op. cit., t. III, p. 70.
- ³⁸ См. А. В. П а к и н. Лидерство и власть у науа на южных границах Месоамерики в период испанской конкисты XVI в. (Гватемала, Сальвадор, Никарагуа). — Ойкумена, 2012, № 3, p. 33—44.
- ³⁹ Documentos para la historia indígena de Yucatán. Op. cit., p. 198.
- ⁴⁰ Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán. Op. cit., t. II, p. 30.
- ⁴¹ На о-ве Косумель факты идолопоклонства были обнаружены священником, который после долгого отсутствия представителей церкви приехал туда в 1570 г. См.: R. R o y s, F. S c h o l e s, E. A d a m s. Report and Census of Cozumel Island. Washington, 1940.
- ⁴² H. W. K o n r a d. Orígenes y significados de la Cruz Parlante de Quintana Roo. — Memorias de II coloquio internacional de mayistas. México, 1989, p. 951.
- ⁴³ Ibidem; A. V i l l a R o j a s. Los elegidos de Dios: Etnografía de los mayas de Quintana Roo. México, 1978.